
Аргумент от чувства свободы и отчаянный компатибилизм

© 2021 г. А.В. Мерцалов

*Московский центр исследования сознания, философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва, 119121, ул. Бурденко, д. 14а.*

E-mail: a.mertsalov@hardproblem.ru

Поступила 04.03.2020

Аргумент от чувства свободы, в отличие от многих других либертарианских аргументов, не оспаривает совместимость свободы воли с детерминизмом, но направлен против признания детерминизма верным. Убеждение в истинности детерминизма подрывает чувство свободы, исключая возможность рационального выбора, и поскольку последняя выступает необходимым условием свободы воли, признание детерминизма исключает и ее, – утверждает аргумент. В первой части статьи я обозначаю, что обычно понимается под чувством свободы и каковы основания утверждать его наличие. Известно, что чувства могут обманывать, и потому во второй части я отдельно рассмотрю, почему мы должны признавать, что чувство свободы не вводит нас в заблуждение, и какие имеются основания против скептицизма относительно него. Наконец, в третьей части я сформулирую сам аргумент, а также рассмотрю стандартные компатибилистские стратегии защиты от аргументов подобного рода и продемонстрирую их несостоятельность в отношении аргумента от чувства свободы. В завершение я покажу, что аргумент от чувства свободы, дополненный антискептическим тезисом, выявляет уязвимости большинства компатибилистских позиций, за исключением самых отчаянных.

Ключевые слова: чувство свободы, свобода воли, рациональный выбор, детерминизм, либертарианство, компатибилизм.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-27-38

Цитирование: Мерцалов А.В. Аргумент от чувства свободы и отчаянный компатибилизм // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 27–38.

The Argument from the Sense of Freedom, and a Desperate Compatibilism

© 2021 Andrew V. Mertsalov

*Moscow Center for Consciousness Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University,
14A, Burdenko str, Moscow, 119121, Russian Federation.*

E-mail: a.mertsalov@hardproblem.ru

Received 04.03.2020

The argument from the sense of freedom, unlike many other libertarian arguments, doesn't question the compatibility of free will and determinism, but is aimed against the belief that determinism is true. The endorsement of determinism undermines the sense of freedom and thereby excludes the possibility of rational choice. And since its possibility is a necessary condition for free will, the belief that determinism is true excludes it as well, the argument concludes. In the first part of the article, I outline how the sense of freedom can be understood and what are the reasons to admit its existence. For it is possible that the sense of freedom is misleading, in the second part I consider why we should think that it doesn't deceive us, and what are the reasons against skepticism about it. In the third part, I formulate the argument from the sense of freedom; I also examine standard compatibilist defence strategies against such kind of arguments and demonstrate their inefficiency against the argument from the sense of freedom. In conclusion, I argue that the argument from the sense of freedom, supplemented by the antiseptic thesis, reveals vulnerabilities of all but the most desperate compatibilist theories.

Keywords: sense of freedom, free will, rational choice, determinism, libertarianism, compatibilism.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-27-38

Citation: Mertsalov, Andrew V. (2021) "The Argument from the Sense of Freedom, and a Desperate Compatibilism", *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2021), pp. 27–38.

Мы верим, что обладаем свободой воли. Ее необходимыми условиями традиционно считаются возможность рационального выбора и свобода действия, и мы полагаем, что они также присущи нам. Убежденность в этом служит основой нашей ежедневной практики моральной ответственности – предполагается, что человек не должен нести ее за действия, которые он совершил, не будучи свободным. Вместе с тем опыт подсказывает нам, что мир не является калейдоскопом необъяснимых случайностей, но что всякое событие имеет причину, объясняющую, почему оно произошло так, а не иначе. Чем глубже мы познаём мир и чем полнее устанавливаем определяющие развитие событий факторы и законы, тем точнее мы оказываемся способны их предсказывать, что дает основания полагать, что тезис детерминизма – утверждающий, что у мира в каждый момент времени есть только одно реально возможное¹ будущее, то есть что для всякого состояния мира в некоторый момент времени законы природы определяют только одно реально возможное состояние мира в любой последующий момент, – может быть верен.

Компатибилизм – это позиция, согласно которой свобода воли, необходимая для моральной ответственности, совместима с детерминизмом. При этом ее сторонники не обязаны признавать истинность детерминизма: в самом скромном виде компатибилизм предполагает лишь, что, *если бы* детерминизм был верен, это не исключало бы наличия у нас свободы воли и моральной ответственности. Сегодня компатибилистская позиция

наиболее популярна среди философов, и во многом ее привлекательность обусловлена тем, что она обещает показать, что убеждение в том, что мы обладаем свободой воли, и в том, что наш мир детерминистичен, – для каждого из которых у нас есть весомые основания, – не исключают друг друга, и мы можем принимать их одновременно без противоречия. Однако либертарианцы – сторонники позиции, согласно которой свобода воли, которой мы обладаем, несовместима с детерминизмом, – оспаривают это. В поддержку своей позиции они выдвигают ряд доводов, одним из которых выступает аргумент от чувства свободы.

Чувство свободы

Под чувством свободы понимается специфическое представление о «разветвленности будущего», характерное для ситуаций рационального выбора, – ощущение, что наше будущее есть некий «сад расходящихся тропок», вера в то, что нам доступны альтернативы, то есть убеждение, что мы реально можем принять различные решения и осуществить в соответствии с ними различные действия в рамках имеющейся ситуации, при заданных обстоятельствах [Campbell 1957, 168–171; Taylor 1964; Fischer 1994, 3–4, 190; Nelkin 2004]. Здесь я сразу должен сделать несколько оговорок.

Отмечу, во-первых, что я ограничусь рассмотрением чувства свободы в качестве специфичного именно для ситуаций рационального выбора. Это не значит, что оно не может иметь отношения к каким-то другим аспектам нашего опыта. Но фактом представляется то, что далеко не всегда нам кажется, что нам доступны альтернативы, и сторонники признания значимости чувства свободы для свободы воли и моральной ответственности не обязаны утверждать, что оно является неотъемлемым элементом каждого намеренного действия (см. [Searle 2003, 96]) и что мы обладаем им или должны считать его верным вне зависимости от обстоятельств, – однако в ситуациях рационального выбора, как я покажу ниже, о наличии чувства свободы можно говорить с уверенностью. Не обязаны они принимать и принцип альтернативных возможностей, утверждающий, что мы можем нести моральную ответственность лишь за те действия, в отношении которых мы могли поступить иначе [Frankfurt 1969, 829]. Хорошо известны ситуации в стиле Лютера [Dennett 1984, 133], когда человек считает невозможным поступить иначе в силу твердости убеждений в том, что планируемое им действие является единственно верным, то есть «когда он уже рационально выбрал наилучшее и этот выбор был укоренен в его характере» [Васильев 2017, 65]. Считается, что в таких ситуациях принцип альтернативных возможностей нарушается, но это не исключает ответственности и свободы агента. Не умаляет это и чувство свободы: хотя ситуации в стиле Лютера, в которых агент убежден в невозможности альтернатив, могут предполагать рациональный выбор, сами они не являются ситуациями выбора, но ситуациями, в которых агент может оказаться по итогу принятия решения, когда намерение к действию уже сформировано, – что не означает, что, если такому решению предшествовал рациональный выбор, в тот момент агент был лишен чувства свободы.

Второе замечание касается оговорок об «имеющейся ситуации» и «заданных обстоятельствах» в представленной выше формулировке. Они призваны исключить контрфактическую трактовку чувства свободы. Обычно ни у компатибилистов, ни у либертарианцев не вызывает сомнений, что мы могли бы принять иное решение или поступить иначе, *если бы* ситуация или некоторые ее обстоятельства (включая, например, наши желания) были иными [Секацкая 2017, 168]. Однако обычно в ситуации выбора нам кажется, что принятие решения в пользу каждой из рассматриваемых альтернатив и осуществление различных действий в соответствии с ним возможно без каких-либо ее изменений: обычно, когда я размышляю, например, провести ли мне выходные с семьей или за работой над статьями, покинуть ли мне станцию метро через северный вестибюль или через южный и т.п., я предполагаю не просто то, что я мог бы предпочесть одну из этих опций другой, *если бы* обстоятельства были несколько иными, но что я нахожусь ровно в той ситуации, в которой я реально могу принять

решение в пользу любой из альтернатив, – и под чувством свободы имеется в виду убеждение именно этого последнего типа.

Наконец, третье уточнение относится к употреблению термина «чувство». Порой критики либертарианства отмечают, что они не могут обнаружить в себе – наряду с другими отчетливо переживаемыми чувствами (такими как чувство голода) – какого-то специфического чувства свободы; что переживания свободы как особого *чувства* просто не существует (см., например, [Double 1991, 2–3]). Однако именование чувства свободы «чувством» (sense) во многом условно, и его не следует понимать в строгом или узком смысле. В данном контексте оно нередко употребляется синонимично терминам «ощущение» (feeling), «впечатление» (impression), «осознание» (conscious), «вера» и «убеждение» (belief), охватывая довольно широкую палитру субъективных «переживаний» (experiences) свободы (см. [Nelkin 2004, 115–116]). В данной статье я ограничусь использованием выражения «чувство свободы» в качестве технического термина для обозначения указанного выше убеждения в том, что мы обладаем реальной возможностью принятия различных решений и осуществления в соответствии с ними различных действий в рамках имеющейся ситуации выбора.

Утверждение о наличии этого убеждения не предполагает, что каждый, кому оно приписывается, обязан считать его несомненным или даже просто отчетливо мыслить его, – оно может быть всецело имплицитным и обнаруживаться лишь в результате рефлексии, к которой человек может быть и не склонен [Nelkin 2004]. Но даже в таком случае мы можем приписывать ему чувство свободы в ситуациях рационального выбора, поскольку в отсутствие этого чувства рациональный выбор невозможен.

Действительно, обычно под рациональным выбором понимается обдумывание и принятие взвешенного решения в пользу одного из нескольких рассматриваемых вариантов действий, который представляется агенту (в том или ином отношении) предпочтительным, формирующее намерение осуществить соответствующее действие [Mele 2003, 197–214; McCann 2012, 246–251]. Предполагается, что таких вариантов должно иметься два (в простейших случаях, которыми я ограничусь) или более – иначе просто не из чего было бы выбирать. Однако наличие рассматриваемых вариантов еще не предполагает *реальную* возможность их осуществления или даже принятия решения в пользу любого из них (как, например, в ситуациях в стиле Франкфурта – см. [Frankfurt 1969; Fischer 1994, 131–159]). Так, выбор того, покинуть ли станцию метро через северный или через южный вестибюль, может быть рациональным, даже если один из этих выходов закрыт, – в случае, если осуществляющему выбор агенту об этом еще не известно; но если он об этом узнает, дальнейший выбор одной из этих альтернатив будет, очевидно, нерациональным. Аналогичное верно и для ситуаций в стиле Франкфурта, в которых условный нейрофизиолог, имея возможность повлиять на течение физиологических процессов в мозге агента, готов предотвратить принятие им решения в пользу одной из альтернатив: выбор агента будет рациональным, если ему не будет известно, что решение в пользу одного из вариантов для него неосуществимо, и к принятию единственно доступной для него опции его приведут его собственные рассуждения, так что механизм принуждения останется незадействованным; но если агент будет знать о невозможности принять решение в пользу одной из альтернатив, ему будет очевидно, что, какие бы доводы он ни рассматривал в пользу того или иного варианта, его итоговое решение от этого не изменится, и поскольку выбор, нечувствительный к доводам, не является рациональным, агенту будет известно, что осуществление рационального выбора из рассматриваемых им альтернатив для него невозможно. Важно отметить, что в обоих случаях не имеет значения, будет ли агент знать, *какая именно* из альтернатив для него исключена: если агенту известно, что один из вестибюлей закрыт, выбор того, через какой из них выйти, будет нерациональным вне зависимости от того, будет ли он знать, какой именно из них заперт (см. [Taylor 1964, 76–77]). Это, разумеется, не означает, что нерациональной при этом будет всякая мысль об исходных альтернативах (агент может гипотетически рассуждать о том, какие основания могли бы иметься в пользу того или иного варианта и что бы

он предпочел, если бы они в равной мере были ему доступны и т.д.) или что в подобных случаях агент не может осуществить *другой* выбор из *других* альтернатив (например, переключиться на выбор того, принять ли единственное доступное ему решение добровольно или под принуждением (см. [Васильев 2017, 60–62]), или рассмотреть некую третью опцию, альтернативную обоим изначальным вариантам, – скажем, опцию выйти на другой станции и т.п.). Но какие бы альтернативы агент ни рассматривал, он не должен считать их невозможными (иначе выбор не будет рациональным), и поскольку рассмотрение альтернатив необходимо (иначе выбор невозможен), они должны представляться именно как возможные.

Необходимым условием рационального выбора, таким образом, выступает не реальная, но *эпистемическая* возможность принятия альтернативных решений и осуществления соответствующих им действий: альтернативы должны быть *возможны-насколько-это-известно-агенту*, осуществляющему выбор (*possible-for-all-the-deliberator-knows*) [Dennett 1984, 108–115]. Эпистемическая возможность альтернатив предполагает в том числе и их *реальную-возможность-насколько-это-известно-агенту*: было бы нерационально рассматривать в качестве одной из доступных при выборе опций то, что, насколько это известно агенту, исключается законами природы, то есть не является реально возможным (как, например, выход из метро через закрытую дверь или напрямую сквозь стены и грунт). Соответственно, наличие у агента (явного или неявного) убеждения в том, что в имеющейся ситуации он реально может принять различные решения и осуществить в соответствии с ними различные действия, является необходимым условием рационального выбора (см. также [Nelkin 2004, 116–118]). Но это убеждение и есть чувство свободы. Таким образом, в отсутствие него рациональный выбор невозможен.

Это не означает, что в отсутствие чувства выбора невозможен вовсе, однако в таком случае он не будет рациональным [Dennett 1984, 107]. Можно утверждать, что чувство свободы является необходимым условием *рациональности* нашего выбора, но не самой способности к выбору как таковой. Принципиальным, однако, представляется то, что необходимым условием наличия у агента свободы воли, требующейся для моральной ответственности, выступает возможность осуществления именно *рационального* выбора. И поскольку в отсутствие чувства свободы *рациональный* выбор невозможен, оно также оказывается необходимым условием свободы воли и моральной ответственности.

Признание за человеком моральной ответственности, свободы воли или рационального выбора является, таким образом, достаточным для того, чтобы утверждать, что он обладает (или обладал в релевантный момент) чувством свободы. Однако простой факт наличия у нас этого чувства еще не говорит о том, является ли оно справедливым.

Чувство свободы нас не обманывает

Несмотря на то, что чувство свободы, предполагающее веру в реальную возможность альтернативных решений и действий, может побуждать к интуитивному принятию либертарианской трактовки свободы воли [Searle 2003, 94–97; O'Connor 1995, 196–197; Deery 2015, 2043], само его наличие еще не может служить свидетельством против детерминизма или в пользу несовместимости с ним свободы, что признается как компатибиристами, так и многими либертарианцами (см. [Ginet 1990, 91; Mele 1995, 133–135; Kane 1998, 239; Deery 2015]). Детерминизм в целом не накладывает никаких ограничений на то, какие чувства, переживания или убеждения может испытывать агент, и в этом отношении вопрос о совместимости детерминизма с существованием чувства свободы не более сложен, чем вопрос о совместимости детерминизма и любого другого чувства или убеждения (см. [Васильев 2017, 166–167]).

Другое дело, что чувства могут нас обманывать, а убеждения – быть ложными, и если детерминизм верен, то чувство свободы действительно вводит нас в заблуждение. Утверждая, что у мира в каждый момент времени есть только одно реально возможное будущее, тезис детерминизма предполагает, что законы природы и прошлые состояния мира однозначно определяют всякое настоящее и будущее событие, включая наши решения

и действия, а их альтернативы не являются реально возможными. Само по себе это не исключает возможности рационального выбора, поскольку для него необходима лишь эпистемическая, а не реальная возможность альтернатив, – иными словами, необходимо *наличие* у нас веры в то, что нам реально доступны альтернативы, но это не означает, что она должна быть справедлива. И порой компатибилисты соглашаются с тем, что чувство свободы нам присуще, говоря о нем при этом как о «кажущемся», «ложном», «воображаемом» и «иллюзорном» (см. [Юм 1996, 80–81; Double 1991; Васильев 2009, 230]).

Утверждение такого статуса, однако, грозит катастрофическими последствиями. Хотя рациональный выбор возможен, даже если чувство свободы вводит нас в заблуждение (при условии сохранения эпистемической возможности альтернатив), *признание* того, что оно нас обманывает, означает признание того, что мы ошибаемся, считая альтернативы реально возможными, а это подрывает их эпистемическую возможность, исключая возможность рационального выбора. Действительно, если при выборе из двух вариантов агенту будет известно, что осуществление или принятие решения в пользу одного из них невозможно (как в случае выбора, через какой вестибюль выйти, когда точно известно, что один из них закрыт), его выбор из них будет нерациональным. Если же агент будет убежден, что аналогичной является всякая ситуация выбора, что чувство свободы обманывает его постоянно, любой его выбор будет нерациональным заведомо. Иными словами, если мы в духе Дабловского детерминиста утверждаем, что «каждый раз, когда я осуществляю выбор, я испытываю когнитивную иллюзию, будто я обладаю либертарианской свободой [читай: реальной возможностью принятия различных решений и осуществления различных действий. – А.М.], но я знаю, что это иллюзия, а значит, это не является одним из моих реальных убеждений» [Double 1991, 6], то тем самым мы признаём, что каждый раз нам лишь кажется, что наш выбор рационален, что у нас есть реальные альтернативы, из которых мы можем рационально выбирать, но мы *знаем*, что это не так, а значит, что и рациональность нашего выбора – всего лишь иллюзия. Это буквально означает признание невозможности рационального выбора, что подрывает основания не только либертарианской, но и компатибилистской свободы воли. Таким образом, вне зависимости от того, является ли наш мир детерминистичным, мы не можем утверждать, что наше убеждение в реальной возможности альтернатив ложно: признание того, что чувство свободы (в некоторой ситуации / всегда) нас обманывает, исключает возможность рационального выбора (в этой ситуации / в целом).

Это положение может служить исходным пунктом либертарианского аргумента от чувства свободы, к которому у меня обращаюсь в следующей части. Но прежде отмечу, что оно еще не предполагает, что мы должны признавать, что чувство свободы верно или что вера в его справедливость необходима для рациональности выбора. Возможна скептическая позиция относительно чувства свободы, предполагающая сомнение в том, является ли наше убеждение в реальной возможности осуществления рассматриваемых альтернатив или принятия решения в пользу них истинным (как и агностическая позиция, предполагающая невозможность знать это). Можно, однако, показать, что скептицизм относительно чувства свободы либо не выдерживается, либо приводит к скептицизму относительно рациональности осуществляемого выбора и, соответственно, свободы воли и моральной ответственности (аналогичное верно и для агностицизма, о котором для краткости я не буду говорить отдельно).

Рассмотрим сомнение в реальной возможности *осуществления* альтернатив. Если мы не знаем, открыты ли на нашей станции оба вестибюля или всего один, и при этом у нас есть основания считать оба варианта возможными, выбор того, через какой вестибюль выйти, – на случай, если оба они окажутся открыты, – кажется, был бы вполне рационален. Но если рациональный выбор возможен в ситуациях, когда мы сомневаемся в реальной осуществимости одной из рассматриваемых альтернатив, мы не обязаны признавать, что чувство свободы справедливо.

Легко, однако, заметить, что выбор того, как поступить в имеющейся ситуации, и выбор того, как поступить, *если* ситуация сложится определенным образом, различаются.

Проще всего это различие обнаружить через различие «безусловных» (вида «сделать ф») и «условных» (вида «сделать ф, если С», где «С» выражает некоторое условие) намерений ([Cartwright 1990], см. также [Ferrero 2009]), к формированию которых приводит выбор соответствующих альтернатив. Во многих случаях их различие далеко не только формально: нередко намерение одного типа можно иметь в отсутствие другого (например, можно намереваться «ударить мистера X», который нанес вам оскорбление, но не иметь намерения «ударить мистера X, если он попросит прощения» и т.п.); зависимость от агента попытки реализации условных и безусловных намерений, их побудительная сила и проч. также обычно различаются. С учетом этого можно утверждать, что, даже когда речь идет о *необходимом* условии осуществления действия, – как в случае с открытым вестибюлем метро, – намерение, в содержание которого входит это условие, и намерение, не содержащее его, несмотря на всю схожесть своей реализации, не идентичны. И поскольку содержание намерения и содержание предпочитаемой при осуществлении выбора альтернативы тождественны (см. [McCann 2012, 247]), точно так же будут различаться и альтернативы, содержащие и не содержащие такое условие. Иными словами, можно утверждать, что опции вида «сделать ф» («выйти через южный вестибюль») и вида «сделать ф, если С» («выйти через южный вестибюль, если он открыт») попросту различны, что в ситуации выбора сомнение в реальной возможности осуществления первой из них приводит к ее модификации или замене ее на вторую, но вера в реальную возможность осуществления этой новой «условной» опции остается необходимой для рациональности выбора, и скептицизм относительно реальной возможности осуществления рассматриваемых альтернатив не выдерживается.

Иначе обстоит дело со скептицизмом относительно реальной возможности *принятия решения* в пользу рассматриваемых вариантов. Порой отмечается, что, в отличие от совершения действия, принятие решения не является тем, что у нас может не получиться и относительно чего мы можем предпринимать попытки (ибо попытка предполагает возможность неудачи), что в принятии решения мы обладаем всей полнотой контроля и всегда успешны [McCann 2012, 254; Mele 2017]. Если это так, скептицизм относительно возможности принятия решения заведомо несостоятелен. Однако ситуации в стиле Франкфурта, кажется, могут служить здесь контрпримером. Если бы мы знали, что находимся в такой ситуации, рациональный выбор был бы невозможен. Но если мы сомневаемся, находимся ли мы в ситуации в стиле Франкфурта или нет, имея основания полагать, что, возможно, существует нечто, что исключает для нас реальную возможность принятия решения в пользу одного из рассматриваемых вариантов, мы всё еще можем попытаться осуществить выбор. Поскольку эпистемическая возможность принятия альтернативных решений необходима для рационального выбора, в такой ситуации мы должны действовать так, *как если бы* решение в пользу любой из альтернатив было реально возможно и определяющих его сил не существовало (ср.: [Dennett 1984, 115]), и наш выбор будет рациональным, если принуждающий к определенному решению механизм останется незадействованным или окажется, что в действительности мы не были в ситуации в стиле Франкфурта. Но это означает, что, хотя наличие чувства свободы необходимо для рационального выбора, вера в то, что оно справедливо, – нет.

С этим, я полагаю, можно согласиться. Но важно подчеркнуть, что сомнение в том, находимся ли мы в ситуации в стиле Франкфурта и можем ли мы реально осуществить выбор в пользу любой из рассматриваемых опций, буквально означает сомнение в том, является ли наш выбор рациональным – будет ли принимаемое нами решение отзывчиво к имеющимся у нас доводам и смогут ли наши рассуждения хоть как-то повлиять на то, что мы в итоге примем то, а не иное решение. Рациональный выбор возможен в ситуациях, когда мы не знаем, обманывает ли нас чувство свободы, но в них мы не будем знать, будет ли наш выбор рациональным. И если скептицизм принимается не относительно какой-то отдельной, но относительно всякой ситуации выбора, он приводит к скептицизму относительно рациональности нашего выбора в целом, а вместе

с ним и относительно свободы воли и моральной ответственности. Но если мы убеждены в том, что наш выбор рационален, мы не можем сомневаться, что наше убеждение в реальной возможности альтернатив верно – признание того, что чувство свободы справедливо, необходимо для признания выбора, рациональным. Данное положение, которое можно назвать *антискептическим тезисом* относительно чувства свободы, будет важно для усиления выводов из аргумента, к которому я теперь обращусь.

Аргумент от чувства свободы

Обобщая (довольно грубо) рассуждения Ч. Кэмпбелла [Campbell 1957, 168–171], Р. Тэйлора [Taylor 1964] и П. ван Инвагена [van Inwagen 1983, 153–161], аргумент от чувства свободы с учетом приведенных выше рассуждений можно сформулировать в следующем виде. (1) Признание того, что чувство свободы постоянно обманывает нас, то есть что имеющееся у нас в ситуациях выбора убеждение (явное или неявное) в том, что мы реально можем принять решение в пользу любой из рассматриваемых альтернатив и осуществить в соответствии с этим решением различные действия, ложно, исключает для нас возможность рационального выбора. Однако (2) если мы соглашаемся, что наш мир детерминистичен, то должны признавать, что каждый раз, когда мы осуществляем выбор, имеется только одно реально возможное решение, которое мы можем принять, и только одно реально возможное действие, которое мы можем осуществить. Но (3) в таком случае мы вынуждены признавать, что чувство свободы постоянно обманывает нас, то есть что ни для какой ситуации не верно, что у нас имеется реальная возможность принять различные решения и осуществить различные действия. Таким образом, (В) если мы признаём, что детерминизм верен, рациональный выбор для нас невозможен. А поскольку возможность рационального выбора выступает необходимым условием наличия свободы воли и моральной ответственности, вывод также предполагает, что признание детерминизма исключает для нас и их.

Я отмечал, что порой компатибилисты отрицают наличие у нас чувства свободы или, допуская его существование, утверждают его иллюзорность и обманчивость. Однако большинство современных компатибилистов, кажется, не только не оспаривают его значимость [Dennett 1984; Волков 2018], но иногда даже говорят о нем как об одном из фундаментальных феноменов человеческого существования [Searle 2003, 94–97; Berofsky 2012, 8; Васильев 2017, 46]. Стандартной компатибилистской стратегией при этом выступает демонстрация совместимости чувства свободы с детерминизмом на почве недоступности точного предсказания или знания собственного будущего [Васильев 2017, 43–46; Dennett 1984, 101–115]. Нередко она формулируется в ответ на исторически родственному аргументу от чувства свободы аргумент от предсказания, утверждающий, что, если детерминизм верен и наши будущие решения и действия уже определены, принципиально возможно их точное предсказание, что исключает возможность рационального выбора относительно них (см. [Ginet 1962; Taylor 1964]). Компатибилисты могут утверждать, что из определенности будущего еще не следует его вычислимость и предсказуемость [Earman 1986, 6–10], и даже если бы наш мир был детерминистичен, предсказание собственных будущих решений и действий в нем было бы невозможно [Dennett 1984, 111–112; Popper 1995, 68–77]. В свете этого можно допустить, что в отсутствие возможности обрести знание собственного будущего его точное предсказание заменяется набором вероятностных образов будущих действий, что как раз и порождает у нас веру в реальную возможность альтернатив, никак не конфликтующую с допущением истинности детерминизма [Васильев 2017, 44–46].

Аргумент от чувства свободы подрывает основания данной компатибилистской стратегии. Он не содержит апелляций к предсказанию будущего, утверждая невозможность рационального выбора в случае признания однозначной определенности будущих решений и действий вне зависимости от возможности или невозможности агента их узнать. Несомненно, точное предсказание собственного будущего решения или действия могло

бы служить основанием для отрицания реальной возможности их альтернатив, что делало бы дальнейший выбор относительно них нерациональным; но это не значит, что оно является единственным возможным основанием такого рода. Отрицание реальной возможности альтернатив на иных основаниях, не предполагающих знания будущего, имеет тот же эффект. И принятие детерминизма как раз и является таким основанием: если мы признаём, что детерминизм верен, то должны утверждать, что наш выбор всегда является выбором из единственной реально возможной опции и ряда других, невозможных реально вариантов. Но такой выбор не является рациональным вне зависимости от того, известно ли агенту, какие из альтернатив исключены. А значит, признавая детерминизм, мы тем самым отрицаем возможность рационального выбора.

Кроме того, поскольку (в отличие от аргумента от предсказания и ряда других либертарианских аргументов) аргумент от чувства свободы утверждает несовместимость рационального выбора не с детерминизмом, но с *убеждением* в том, что детерминизм верен, безуспешной оказывается и другая стандартная компатибилистская линия защиты – через различие реальной и эпистемической возможности. Как отмечалось, детерминизм исключает только реальную, но не эпистемическую возможность альтернатив, и для чувства свободы и рационального выбора необходима именно вторая, но не первая из них. Ввиду этого детерминизм совместим с наличием у нас чувства свободы. Но если он верен, чувство свободы вводит нас в заблуждение. Мы, однако, можем не знать об этом и быть убеждены в обратном – если считаем, что детерминизм ложен (что также совместимо с детерминизмом). Но если агент *признаёт*, что детерминизм верен, то ему *известно* (поскольку это непосредственно следует из тезиса детерминизма), что точно так же, как законы природы исключают для него возможность просочиться через закрытый вестибюль или напрямую сквозь стены и грунт, в каждой ситуации выбора они (и предшествующие состояния мира) исключают реальную возможность любых рассматриваемых им альтернатив решений и действий, за исключением единственного варианта, который и будет им реализован. Таким образом, признание детерминизма подрывает эпистемическую возможность альтернатив и тем самым исключает возможность рационального выбора.

Иронизируя над этим выводом, Д. Деннет спрашивает [Dennett 1984, 103–104], что должно произойти с убежденным детерминистом, который примет его: должен ли он будет погрузиться в апатию, отказаться впредь от всяких размышлений перед принятием решения или впасть в последнем самоаннигилирующем спазме рационального умозаключения в полную кататонию, как это драматически обрисовывает ван Инваген? Несмотря на несомненную трагикомическую заманчивость этих опций, аргумент не требует какого-либо изменения практики осуществления выбора, но лишь ставит вопрос о пересмотре ее оценки в свете признания истинности детерминизма – о том, не ошибаемся ли мы, считая, что в большинстве случаев осуществляемый нами выбор отвечает обычно предъявляемым к нему критериям рациональности, включающим требование эпистемической возможности альтернатив. Несомненно, убежденный детерминист может настаивать, что его выбор рационален, однако, как позволяет показать аргумент, в таком случае его убеждения будут неконсистентны, то есть по крайней мере одно из них будет ложно [van Inwagen 1983, 158]. И если предполагается, что ошибка относительно детерминизма исключена, то, *оставаясь последовательным*, детерминист должен соглашаться, что его выбор никогда не является рациональным; но если он полагает, что обладает рациональным выбором, то должен скромно признать, что ошибался, считая детерминизм верным.

Кажется, наконец, что компатибилисты могли бы согласиться со всем этим. Аргумент не исключает детерминизм и не утверждает, что чувство свободы, рациональный выбор, свобода воли или моральная ответственность несовместимы с ним: он лишь демонстрирует, что детерминизм не следует признавать истинным. Но компатибилисты и не обязаны это делать: относительно детерминизма они могут занять более мягкую скептическую или агностическую позицию; утверждать, что вопрос о детерминизме иррелевантен вопросу о свободе воли; и даже прямо признавать ложность

детерминизма. Компатибилизм предполагает лишь утверждение, что детерминистичность мира (реальная или только предполагаемая) не исключает наличия в нем свободы воли, необходимой для моральной ответственности. Но чем в таком случае аргумент от чувства свободы вообще может угрожать компатибилизму?

Отчаянный компатибилизм

Аргумент от чувства свободы демонстрирует несостоятельность жесткой компатибилистской позиции, предполагающей не только утверждение совместимости свободы воли с детерминизмом, но и признание того, что детерминизм верен и/или что он необходим для свободы воли и моральной ответственности [Capes 2013, 641]. Аргумент показывает, что в таком случае рациональный выбор невозможен, и поскольку возможность рационального выбора признаётся необходимым условием свободы воли и моральной ответственности, невозможны оказываются и они, что исключает справедливость этой позиции. Однако подавляющее большинство современных компатибилистов не считает, что детерминизм истинен [Mele 2009, 561].

Более мягкие версии компатибилизма утверждают, что мы обладаем свободой воли и моральной ответственностью вне зависимости от истинности или ложности детерминизма [Capes 2013, 643]. Так, сторонники иррелевантизма предполагают, что детерминизм просто не является тем фактором, который мог бы как-то сказаться на наличии или отсутствии у нас свободы и ответственности. Аргумент от чувства свободы подрывает эту позицию: если бы она была верна, признание истинности детерминизма также не должно было бы сказываться на свободе воли, однако аргумент показывает, что оно исключает одно из ее необходимых условий.

В иных версиях мягкого компатибилизма нейтралитет относительно детерминизма может принимать форму скептицизма (или агностицизма): можно утверждать, что мы не знаем (или не можем знать), верен ли детерминизм, но *даже если* наш мир детерминистичен, это не исключает свободу воли. Аргумент от чувства свободы не требует признания детерминизма ложным, оставляя эту позицию открытой. Однако его выводы теперь можно усилить, дополнив их антискептическим тезисом. Утверждение о том, что мы не знаем, верен ли детерминизм, предполагает, что мы не знаем, являются ли альтернативы, рассматриваемые в ситуации выбора, реально возможными. Скептицизм относительно детерминизма влечет, таким образом, скептицизм относительно чувства свободы, а это, как уже было показано, ведет к скептицизму относительно возможности рационального выбора, свободы и ответственности (аналогично верно и для агностицизма). Однако компатибилисты в подавляющем большинстве не являются скептиками (или агностиками) в отношении рационального выбора, свободы воли и моральной ответственности: они признают, что мы обладаем ими. Это позволяет воспользоваться антискептическим тезисом: поскольку признание справедливости чувства свободы необходимо для признания выбора рациональным, компатибилисты должны утверждать, что наше убеждение в реальной возможности альтернатив верно. Но это развеивает сомнения и относительно детерминизма: признавая верным убеждение в реальной возможности альтернатив, компатибилисты не могут сохранять нейтралитет относительно детерминизма, но должны прямо утверждать его ложность.

Это позволяет указать на эпистемологический провал, характерный для всякой нейтральной компатибилистской теории. Ни аргумент от чувства свободы, ни антискептический тезис не исключают возможность того, что наш мир детерминистичен (по крайней мере в некотором значимом для вопроса о свободе воли смысле, см.: [Berofsky 2012, 912]). Не исключают они и нашу возможность узнать об этом. Но это не меняет их общего вывода, что признание истинности детерминизма будет влечь невозможность рационального выбора, свободы воли и моральной ответственности и что, признавая наличие последних, компатибилисты должны утверждать, что детерминизм ложен. Это означает, что компатибилисты должны утверждать ложность детерминизма, *даже если* наш мир детерминистичен и *даже если* мы можем об этом узнать. Этот казус специфици-

чен именно для компатибилистских позиций: всякая симметричная инкомпатибилистская теория будет предполагать, что, если наш мир детерминистичен, вне зависимости от нашей возможности узнать об этом, свобода воли невозможна. Но компатибилисты, утверждая совместимость рационального выбора и свободы воли с детерминизмом, в свете аргумента от чувства свободы должны также признавать их несовместимость с *признанием* детерминизма истинным, а антискептический тезис, исключая возможность нейтральной позиции на этот счет в случае признания наличия у нас рационального выбора и свободы воли, оставляет открытой для них только одну опцию: утверждать ложность детерминизма вне зависимости от реальной детерминистичности мира и нашей возможности об этом узнать, то есть *даже если* наш мир детерминистичен и мы знаем об этом.

Аналогичное верно и для собственно негативных в отношении детерминизма компатибилистских позиций, признающих его ложность в любой релевантной вопросу о свободе воли форме и отличающихся от либертарианства принятием контрфактического положения, что, *если бы* детерминизм все же был верен, это не исключало бы свободу воли, необходимую для моральной ответственности. Аргумент от чувства свободы и антискептический тезис вынуждают компатибилистов и здесь признать нечто большее: что, *если бы* наш мир был детерминистичен (в любом интересном для вопроса о свободе воли смысле), мы всё равно должны были бы утверждать, что детерминизм ложен, – и эпистемологический провал сохраняется, пусть и в контрфактической форме.

Таким образом, аргумент от чувства свободы вкупе с антискептическим тезисом существенно ослабляют компатибилистские позиции, оставляя открытыми лишь две их вариации: 1) скептицизм (агностицизм) в отношении наличия у нас рационального выбора, свободы воли и моральной ответственности и 2) позицию, которую уместно было бы назвать *отчаянным компатибилизмом*, – согласно которой во имя рациональности и свободы (выбора и воли соответственно) мы должны во что бы то ни стало отвергать детерминизм в любом его виде вне зависимости от реальной детерминистичности мира и нашей возможности об этом узнать. Но рационален ли выбор из этих двух зол?

Примечания

¹ Понятие реально возможного я заимствую у В.В. Васильева, который понимает под ним возможное в соответствии с законами природы, отличая его как от логически возможного, то есть мыслимого без противоречия, так и от близкого ему понятия физически возможного, которое, однако, по всей видимости, заранее предполагает супервентность ментального на физическом; см. [Васильев 2017, 10, 127–128].

Источники и переводы – Primary Sources and Russian Translations

Юм 1996 – Юм Д. Исследование о человеческом познании / Пер. с англ. С.И. Церетели // Юм Д. Соч. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 3–144 (Hume, David, *An Enquiry Concerning Human Understanding*, Russian Translation).

Источники – Primary Sources

Campbell, Charles Arthur (1957) *On Selfhood and Godhood*, George Allen & Unwin Ltd, London.
Cartwright, J.P.W. (1990) “Conditional Intention”, *Philosophical Studies*, Vol. 60, No. 3, pp. 233–255.
Dennett, Daniel C. (1984) *Elbow Room. The Varieties of Free Will Worth Wanting*, Clarendon Press, Oxford.

Double, Richard (1991) “Determinism and The Experience of Freedom”, *Pacific Philosophical Quarterly*, Vol. 72, pp. 1–8.

Earman, John (1986) *A Primer on Determinism*, D. Reidel Publishing Company, Dordrecht, Holland.
Fischer, John Martin (1994) *The Metaphysics of Free Will: An Essay on Control*, Blackwell Publishers, Oxford.

Frankfurt, Harry G. (1969) “Alternate Possibilities and Moral Responsibility”, *Journal of Philosophy*, Vol. 66, No. 23, pp. 829–839.

- Ginet, Carl (1962) "Can the Will be Caused?", *The Philosophical Review*, Vol. 71, No. 1, pp. 49–55.
 Ginet, Carl (1990) *On Action*, Cambridge University Press, Cambridge.
 McCann, Hugh J. (2012) "Making Decisions", *Philosophical Issues*, Vol. 22, No. 1, 246–263.
 Nelkin, Dana K. (2004) "The Sense of Freedom", Campbell, Joseph Keim, O'Rourke, Michael, Shier, David, eds., *Freedom and Determinism*, The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, pp. 105–134.
 Taylor, Richard (1964) "Deliberation and Foreknowledge", *American Philosophical Quarterly*, Vol. 1, No. 1, pp. 73–80.
 van Inwagen, Peter (1983) *An Essay on Free Will*, Clarendon Press, Oxford.

Ссылки – References in Russian

- Васильев 2009 – *Васильев В.В.* Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
 Васильев 2017 – *Васильев В.В.* В защиту классического компатибилизма: Эссе о свободе воли. М.: ЛЕНАНД, 2017.
 Волков 2018 – *Волков Д.Б.* Свобода воли. Иллюзия или возможность. М.: Карьера Пресс, 2018.
 Секацкая 2017 – *Секацкая М.А.* Аргумент последствий и проблема удачи в дебатах о свободе воли // Вопросы философии. 2017. № 3. С. 165–171.

References

- Berofsky, Bernard (2012) *Nature's Challenge to Free Will*, Oxford University Press, Oxford.
 Capes, Justin A. (2013) "Mitigating Soft Compatibilism", *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 87, No. 3, pp. 640–663.
 Deery, Oisín (2015) "Why People Believe in Indeterminist Free Will", *Philosophical Studies*, Vol. 172, Issue 8, pp. 2033–2054.
 Ferrero, Luca (2009) "Conditional Intentions", *Noûs*, Vol. 43, No. 4, pp. 700–741.
 Kane, Robert (1998) *The Significance of Free Will*, Oxford University Press, New York.
 Mele, Alfred R. (1995) *Autonomous Agents. From Self-Control to Autonomy*, Oxford University Press, New York.
 Mele, Alfred R. (2003) *Motivation and Agency*, Oxford University Press, New York.
 Mele, Alfred R. (2009) "Causation, Action, and Free Will", Beebe, Helen, Hitchcock, Christopher, Menzies, Peter, eds., *The Oxford Handbook of Causation*, Oxford University Press, Oxford, pp. 554–574.
 Mele, Alfred R. (2017) "On Pereboom's Disappearing Agent Argument", *Criminal Law and Philosophy*, Vol. 11, No. 3, pp. 561–574.
 O'Connor, Timothy (1995) "Agent causation", O'Connor, Timothy, ed., *Agents, Causes, and Events: Essays on Indeterminism and Free Will*, Oxford University Press, New York, pp. 173–200.
 Popper, Karl R. (1995) *The Open Universe: An Argument for Indeterminism From the Postscript to The Logic of Scientific Discovery*, Routledge, London.
 Searle, John (2003) *Minds, Brains and Science*, Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts.
 Sekatskaya, Maria A. (2017) "The Consequence Argument and the Problem of Luck in Free Will Debates", *Voprosy Filosofii*, Vol. 3, pp. 165–171. (in Russian).
 Vasilyev, Vadim V. (2009) *The Hard Problem of Consciousness*, Progress-Traditsiya, Moscow (in Russian).
 Vasilyev, Vadim V. (2017) *In Defense of Classical Compatibilism: Essays on Free Will*, LENDAN, Moscow (in Russian).
 Volkov, Dmitry B. (2018) *Freedom of Will. An Illusion or a Possibility*, Cariera Press, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

МЕРЦАЛОВ Андрей Викторович – редактор Московского центра исследования сознания при философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова.

Author's Information

MERTSALOV Andrew V. – editor of Moscow Center for Consciousness Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.